

**СТАРЫЕ И НОВЫЕ ГЕРОИ:
ОСОБЕННОСТИ КОММЕМОРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ**

Скиперских А.В.

*Доктор политических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Пермь, Россия
AVSkiperskikh@hse.ru*

**OLD AND NEW HEROES:
FEATURES OF COMMEMORATION IN THE RUSSIAN PROVINCE**

Skiperskikh A

*Doctor of Political Sciences
Professor of the Department of Humanities
National Research University
"High School of Economics"
Perm, Russia
AVSkiperskikh@hse.ru*

Аннотация

В данной статье автор анализирует процесс коммеморации, происходящий в Липецкой области. Автор выделяет шесть наиболее популярных сюжетов коммеморации, с помощью которой фиксируется память о прошлом в форме мемориальных досок.

С точки зрения автора, коммеморация, осуществляющаяся в рамках конкретного субъекта РФ, является отражением федеральной политики. В региональном политическом процессе отмечаются те же акценты политики памяти, которые имеют место быть в отношении мемориальной культуры на верхнем уровне российской политики.

Annotation

In this article, the author analyzes the process of commemoration occurring in the Lipetsk region. The author reserves the most popular plot commemorations, with the help of which the memory of the past is recorded in the form of memorial plaques.

From the point of view of the author, the commemoration, carried out within the framework of the requirements of the subject of the Russian Federation, is a reflection of the federal policy. In the regional political process the same policy accents are noted as in the memory of the state.

Ключевые слова: власть, дискурс, Липецкая область, коммеморация, культура.

Keywords: power, discourse, Lipetsk region, commemoration, culture.

Развитие политического процесса в современной России предполагает значительное изменение её символической политики. Рано или поздно, государство сталкивается с необходимостью коррекции уже существующих символических и героических иконостасов в интересах нового общества, через которое, следуя меткому замечанию Г. Гачева «просвечивают национальные образы» [3] и их причудливая трансформация.

Безусловно, процесс коммеморации не может не проходить в интересах правящего класса, корректирующего отношение к тем или иным историческим событиям и фигурам прошлого с учётом собственного представления о синхронизации с политическим курсом государства. Тем не менее, уже сегодня можно сказать, что имеет место явный дефицит героических образов, которые всё чаще отыскиваются в глубине истории, вместо того, чтобы быть причастными к новым опытам политического и культурного строительства в современной России. Обращает на себя внимание, как нынешняя власть дистанцируется от советских символов, постепенно забывая их и острая. Красноречивым примером подобной политики может выглядеть драпировка Мавзолея В.И. Ленина на Красной площади в Москве.

В целом, кажется не решённой проблема легитимации тех или иных героев и сюжетов, апеллирующих к героическому историческому прошлому. Рано или поздно, герои, номинированные властью, оказываются в центре общественных и политических расколов по поводу восприятия тех или иных кейсов русской и советской истории.

Страсти по героям кипят не только на уровне федеральной политики, но и проецируются на её нижние уровни, чутко улавливающие существующие тренды. Наряду с необходимостью поддерживать инициативы федеральной власти, местные элиты вынуждены конструировать и собственное символическое поле и искать героев вблизи себя. Власть испытывает на местах те же проблемы с легитимностью, что сказывается на выработке самостоятельных сюжетов в интересах собственной легитимации.

В качестве примера нами будет взята ситуация коммеморации в Липецкой области, давно наблюдаемая автором. Нам было интересно определить акценты региональной и муниципальной власти, с целью разглядеть в их политике памяти определённую логику, как в отношении образов прошлого, так и применительно к текущей ситуации. Анализируя массив данных, оказавшихся в нашем распоряжении, нам удалось установить определённые закономерности в практиках коммеморации, нашедшие отражения в представленных сюжетах.

Теоретическая интродукция

Культурная память является важнейшим ресурсом власти, осуществляющей управление без сильного давления на общество, что уместно рассматривать в контексте *soft power*. Власть действует на дистанции, исподволь, обволакивая индивида и завлекая его в уже сформированные нарративы.

В современном политическом и культурном научном дискурсе сегодня отмечается достаточно высокий интерес к исследованиям практик

коммеморации. Теоретический экскурс позволяет увидеть, что исследователи выделяют различные формы памяти, некоторые из которых представляются в виде оппозиционных пар.

Так, Морис Хальвбакс противопоставляет *внешнюю* память (историческую и социальную) – *внутренней*. Внешняя память наполняется объективным историческим и социальным капиталом, противопоставленная субъективному хранилищу памяти, где предпочтительным является автобиографический и индивидуальный опыт [7, с. 8–27].

У Пьера Бурдьё можно встретить попытку развести *объективированную память и габитус* – материальную культуру и её формы с неким персоналистским измерением [2, с. 272].

Память конструируется в политическом процессе, который управляется властью, а, значит, существуют особые «правила игры», регламентирующие коммеморацию. Отсюда, Алейда Ассман отмечает, что «высокое и низкое насаждается насильственным путём» [1, с. 184]. Противопоставление *высокого* и *низкого* можно увидеть у Мэри Маколи, отмечающей, что коммеморация определяется «политическими интересами и интересами влиятельных акторов» [8, с. 139].

Тем самым, складывается ситуация, когда ключевая позиция в коммеморации начинает принадлежать политической элите, прекрасно понимающей огромные возможности памяти в трудном процессе контроля над смыслами. Исторические и культурные события начинают интерпретироваться властью в собственных интересах.

Герои земли липецкой

Как уже отмечалось выше, память может быть визуализированной. В данный момент в центре нашего исследования находится «твёрдая» память, заключённая в форму мемориальных досок. Практики коммеморации в

Липецкой области автору приходится наблюдать воочию, особенно, что касается их современных акцентов.

Липецкая область была образована в 1954 году, и в этом году отмечается её 65-летие. Юбилей совпал по времени с назначением нового врио главы региона, что, безусловно, только усиливает значение юбилея в практиках легитимации новой власти, позволяющего маскировать собственные намерения. 65-летняя история вряд ли может быть богатой на события по сравнению с кейсами других субъектов РФ. Нам интересно, как власть пытается преодолеть дефицит культурной памяти, как это согласуется с практиками конструирования новой региональной идентичности, в которой не может не быть места героическим фигурам. Создаётся достаточно сложное культурное пространство, в рамках которой смешивается история различных периодов и продолжают противостоять друг другу политические силы, принадлежавшие к разным политическим лагерям.

Память Липецкой области тесным образом связывается с региональной идентичностью, которая, в принципе, определяется достаточно неотчётливо. В области есть муниципальные районы с достаточно сильным культурным акцентом, а есть и те, которые не могут найти серьёзных опор в прошлом. В целом, для липчан поводами для гордости могли быть уже существующие исторические и культурные сюжеты, связанные с героикой авторитетных земляков, относящихся ко времени, когда истории Липецкой области ещё не существовало, либо история, творящаяся здесь и сейчас. Таким образом, региональное культурное пространство представляет собой некую комбинацию культурного наследия выдающихся земляков и историю знаковых для Липецкой области дискурсов (авиацентр, НЛМК, завод «Свободный сокол», тракторный завод, вокруг которого в советское время была создана мощная социальная и культурная инфраструктура, яблоневые сады Лебедянского района).

Исследования политики коммеморации в Липецкой области заставили нас обратить внимание на шесть сюжетов, в рамках которых обобщается

культурная и историческая память. Это - *революция 1917 г., Великая Отечественная война, афганская и чеченская кампании, культурное наследие знаменитостей, инициативы потомков, репрессии.*

Данные сюжеты релевантны не только для центра субъекта – г. Липецка, но и могут повторяться и на территории муниципальных образований. Местная власть, производящая практики коммеморации, как правило, чутко улавливает тренды политики памяти, актуализирующие на верхних уровнях политики.

Революция 1917 г. в практиках коммеморации

В Липецкой области, как и в других субъектах РФ, сюжет коммеморации, связанный с революцией 1917 г. является достаточно заметным. За период 70-летней советской истории было сформировано очень мощное культурное и символическое пространство, позитивно отзывающееся о событиях 1917 г. Несмотря на постепенное охлаждение советской памяти, её следы по-прежнему остаются заметными. Более того, прямое отношение к Липецку имеет ряд крупных фигур революционного движения. Именно в Липецке в 1879 состоялся известный съезд «Народной воли». Липецкое происхождение имеют Г. Плеханов, Д. Желябов, Д. Писарев и др. Показательны и топонимические акценты в самом Липецке, где в городском центре практически все важные улицы и площади определённо намекают на советскую героику: улицы Ленина, Зегеля, Интернациональная, Желябова, Семашко, Советская; площади Ленина, Плеханова. Подобные топонимические акценты присутствуют и в других городах и районных центрах Липецкой области, пусть и в менее заметных количествах.

Нужно отметить, что, вплоть до появления практики неконкурентных региональных политических кампаний в России конца 1990-х гг., Липецкая область относилась к «красному поясу». До известного времени в некоторых муниципалитетах Липецкой области могли сохраняться такие советские

экономические анахронизмы, как, скажем, бесплатные таксофоны и проезд в городском транспорте.

Важным трендом коммеморации сегодня является качество проводимой политики на местах. Многие мемориальные доски установлены на ветшающих зданиях, и их сохранность имеет весьма призрачные перспективы. Учитывая зависимость местной власти от федеральных нарративов работы с прошлым, в рамках которых память о революции 1917 г. не является приоритетной (показательно, как отметили 100-летний юбилей революции) есть большой риск их утратить навсегда.

Память о Великой Отечественной войне

Данный сюжет является самым распространённым в политике коммеморации муниципалитетов в Липецкой области. Именно в отношении событий ВОВ сегодня в российском обществе существует, наверное, максимальный консенсус События ВОВ имели прямое отношение к отдельным муниципальным районам, которые сегодня находятся в составе Липецкой области. Районы, не охваченные войной, на долгое время оказывались в прифронтовой полосе и становились местом дислокации военных аэродромов, штабов воинских соединений, госпиталей, частей обеспечения и т.д. В годы войны так же работали школы, дома культуры и другие объекты социальной инфраструктуры. Внимание к сюжету военной коммеморации является объективным. К тому же, смена глав администрации некоторых районов Липецкой области в 2015-2016 гг. моментально сказалась на интенсификации внимания новой власти к культурному слою своих территорий, где тема войны выступала едва ли не центральной. Происходит открытие новых меметических зон, связанных с событиями ВОВ.

Данный сюжет коммеморации как будто продолжает политику советской власти в отношении памяти о войне. В самих формах фиксации памяти могут отмечаться некоторые расхождения с советскими практиками. Так, обращают

на себя внимание стилистические различия в самих формах мемориальных досок. Советские практики коммеморации могли быть более изобретательными с точки зрения форм и фактуры, нежели их современные аналоги, преимущественно, представляющие из себя тексты – коммеморативные послания на плитах из чёрного камня. Власть сталкивается с ситуацией, когда её функционирование в определённой степени может зависеть от изобретаемых мифов, что она при случае и делает. Отсюда, мы можем видеть появление мемориальных досок на относительно новых объектах, по-новому говорящих о героическом подвиге земляков и освободителей в период ВОВ. Подобные практики коммеморации происходят практически во всех муниципальных районах Липецкой области. В частности, недавно была установлена мемориальная доска военной полевой почте в п. Тербуны. Данный пример конструирует новое пространство памяти, которое впоследствии начинает эксплуатироваться для поддержания ритуальных практик коммеморации, с одной стороны, а с другой, отвечает задачам легитимации местного правящего класса.

Память о войне является памятью и о непосредственных героях войны. И если применительно к советскому периоду всё кажется относительно выясненным, и не оспариваемым, то в случае новой коммеморации могут появляться новые мифологизации и изобретения истории. В частности, сложно установить, что является большим основанием для появления мемориальной доски М. Калашникову в Ельце на здании бывшего военного госпиталя – память о легендарном оружейном конструкторе, либо попытка связать сам локус с самым известным изобретением М. Калашникова, то есть, послужить дополнительным энергетиком для легитимности городской власти. Слабый бренд городского пространства, здесь, приобретает дополнительного союзника, которым выступает очень влиятельная фигура мирового уровня.

«Горячая» память военных кампаний

Установка мемориальных досок в память о событиях войны в Афганистане и чеченским кампаниям представляет собой жест «горячей» памяти и вписывается в поиски новых героев и сюжетов коммеморации.

Практики коммеморации об афганских событиях относятся к концу 1980-х – началу 1990-х гг., и представляют собой следы советской политики коммеморации. Память о войне сохраняет себя в других формах – в деятельности ветеранских организаций, участии в массовых мероприятиях, парадах, патриотических походах и лагерях, а также в создании меметических зон на территории муниципалитетов.

В настоящий момент афганская история удаляется, и значительно чаще можно встретить практики коммеморации вокруг сюжетов, связанных с чеченскими кампаниями. Муниципальная власть устанавливает мемориальные доски вплоть до настоящего времени, движимая, как собственной инициативой, так и деятельностью общественных организаций. Как уже отмечалось выше, на подобных мероприятиях, как правило, присутствует местная власть, и проходят они в достаточно торжественной обстановке.

Практики коммеморации местной власти могут быть посвящены событиям 1990-х и начала 2000-х гг., что, безусловно, говорит о существующем тренде на поиск героических сюжетов и самих героев в локальных дискурсах, с акцентами на местный патриотизм. Кейсы с фиксацией памяти о военных кампаниях в историческом континууме современной России являются достаточно распространёнными, и присутствуют практически во всех муниципалитетах Липецкой области. Интересно, что практики коммеморации продолжают и вплоть до настоящего времени, фиксируя памятные события 15-20-летней истории. Тем самым, как будто бы заполняется некий героический вакуум.

Очень часто мемориальные доски устанавливаются на зданиях общеобразовательных школ, техникумов, вузов. Есть примеры установки

мемориальных досок и внутри зданий. Встречаются и случаи, когда стены школ и техникумов становятся едва ли не героическими иконостасами, свидетельствующими о героических подвигах выпускников данных учебных заведений. Сюжеты афганской и чеченской коммеморации могут комбинироваться с памятью о Великой Отечественной войне.

Знаменитости

Память о культурном наследии знаменитых земляков оказывается достаточно статичной формой, уже некогда сконструированной и не нуждающейся в каком-то принципиальном переосмыслении. Политические размежевания если и касаются пересмотра отношения к текстам выдающихся земляков, то, наверное, в самую последнюю очередь. Отсюда, коммеморация известных деятелей культуры, искусства и науки, имевших отношение к липецкой земле, могут относиться ещё к советскому периоду. Ещё в период СССР был открыт основной массив мемориальных досок, сохранившийся до настоящего времени.

Наследие А. Пушкина, И. Бунина, М. Горького, К. Игумнова, М. Лермонтова, М. Пришвина, Н. Семашко, Л. Толстого, Н. Тян-Шанского и др. деятелей русской культуры не вступало в конфликт с политической повесткой в советский период. Практики коммеморации тогда не ограничивались исключительно установкой мемориальных досок, и могли продолжаться в практиках открытия музеев, топонимических последствиях и т.д.

Часть мемориальных досок была установлена и в современный период, подчёркивая внимание к землякам, внёсшим вклад в отечественную и мировую культуру. Мемориальные доски знаменитостям могли устанавливаться и по факту их пребывания в конкретном месте. В практиках установки мемориальных досок можно увидеть попытку нового рассказа об истории Липецкой области, связанной с именами знаменитостей, несмотря на их

эпизодическое, транзитивное, даже, скорее, случайное отношение к тому или иному пространству.

Прожив на станции Добринка три или четыре месяца, я почувствовал, что больше - не могу», - вспоминает М. Горький свою вынужденную работу в 1888-1889 гг. ночным сторожем на ж/д станции Добринка в рассказе «Сторож» [4]. Для власти было достаточно даже подобных откровений для того, чтобы инициировать процессы коммеморации, несмотря на отсутствие в свидетельствах самого субъекта каких-то позитивных воспоминаний о месте. Мемориальная доска М. Горькому установлена на здании ж/д станции Добринка. В 2002 г. было открытие мемориальной доски М. Цветаевой на здании ж/д станции Усмань, где поэтессе пришлось испытывать не самые приятные ощущения в условиях кризиса Гражданской войны.

Некоторые известные деятели культуры оказываются увековеченными уже в нынешнее время. В частности, это русский писатель Е. Замятин – автор утопии «Мы». В 2009 г. в честь 125-летия со дня его рождения, в г. Лебедянь мемориальная доска появляется на его доме-музее. В советское время отношение к Е. Замятину было достаточно осторожным, что и сказывается на отсутствии видимых форм коммеморации в его отношении.

Процесс коммеморации продолжается вплоть до настоящего времени. Принимая во внимание достаточно серьёзную озадаченность власти политикой памяти, следует отметить, что сегодняшние инициативы могут исходить исключительно от субъектов, которые достаточно глубоко интегрированы во власть, либо чья деятельность не вызывает у власти каких-то вопросов. Власть легитимирует процесс коммеморации, оставляя за собой право дозволяющего жеста. То, что в итоге предстоит визуализировать и оставить для общественности, по-любому должно санкционироваться властью. Наоборот, фиксация памяти о какой-либо фигуре сегодня для человека со стороны сегодня превращается в какой-то немыслимый квест.

Кейс выдающихся земляков имеет и свои локальные спецификации. Каждый муниципалитет заинтересован в конструировании своей локальной истории – своих локальных поводом для гордости. Скажем, в Липецке это может быть промышленная история и знаковые фигуры, творившие её, либо факт нахождения в городе авиацентра, что существенно поднимает статус представителей данной военной профессии в глазах горожан, не замедляя сказываться на городских топонимических практиках.

Политика памяти региона затрагивает и фигуры, которые непосредственным образом могли быть связаны с политикой. Власть излишне заботится о коммеморации самой себя, создавая себе причудливые формы, сочетающие различные архитектурные элементы, и, тем самым, определённо выделяясь в пространстве памяти за счёт 3D-решений. В частности, примером подобной комбинации форм, на наш взгляд, можно считать мемориальную доску-стелу, открытую в 1998 году и посвящённую памяти Г. Павлова – партийного руководителя Липецкой области (1964-1984).

Мемориальные доски, устанавливаемые в память советским руководителям, определённо отличаются от мемориальных досок, фиксирующих *другую* память. Здесь рельефное изображение как будто бы

намекает на особенное положение власти, на её особый статус, на изначальную необходимость восприятия её по-другому.

Подобное решение можно увидеть и применительно к коммеморации другого руководителя Липецкой области, но уже в современный российский период. В 2013 году была открыта мемориальная композиция М. Наролину – губернатору Липецкой области в период 1993-1998, пришедшемуся на президентство Б. Ельцина.

Инициативы потомков

В современной России появляется ещё один сюжет коммеморации, когда в образовавшемся героическом вакууме появляются инициативы «снизу», с помощью которых определённым образом происходит конструирование собственной истории и памяти о прошедших событиях.

Как когда-то отметила А. Ассман, «память всегда испытывает дефицит пространства» [1, с. 176]. Память функционирует в условиях определённой тесноты и сжатости, тяготея к преодолению участи замалчивания.

Инициативы потомков, связанные с коммеморацией своих фамилий в рамках отдельных локусов, в полной мере могут вписываться в логику новой политики работы с прошлым. С одной стороны, в интересах гражданского волеизъявления, открываются возможности для некоторых инициатив и им не препятствуют, предварительно проверив их на благонадёжность. Данные инициативы придают новую колористику культурному пространству, что также выгодно для власти. С другой стороны, в интересах власти, гражданские инициативы создают исторический и культурный контекст, выгодный для власти. Скажем, так можно представить открытие доски елецкому нотариусу В. Барченко, приютившему И. Бунина в драматический момент его расставания с Ельцом осенью 1917 г. Кстати, данная инициатива принадлежала профессиональному сообществу адвокатов.

В Липецкой области можно встретить примеры подобной коммеморации, хотя, нельзя сказать, что они являются популярным трендом. Равно, как и в случае самой России, частные инициативы возможны только в каких-то единичных случаях – государство неохотно расстаётся с функцией ключевого интерпретатора истории.

Репрессии

Равно, как и в России, в Липецкой области есть место и сюжетам коммеморации, связанным с памятью о репрессиях. Правда, особенностью липецкого кейса является то обстоятельство, что едва ли не единственным субъектом коммеморации, связанным фиксацией памяти о политических репрессиях, является РПЦ.

За последние несколько лет в различных муниципальных образованиях при непосредственной инициативе РПЦ состоялось открытие мемориальных досок церковнослужителям и локальным героям, защищавшим ценности православия. В частности, такие мемориальные доски были установлены в сёлах Данковского и Лебедянского районов. Обращает на себя практика, когда мемориальные доски в память о церковнослужителях, подвергшихся репрессиям, появляются на стенах храмов. Подобные примеры можно увидеть в Лебедянском районе и г. Ельце.

В современной России церковь выступает вполне самостоятельным актором, имеющим собственность и ресурсы, позволяющие проводить альтернативные исторические разыскания и осуществлять практики коммеморации параллельно официальной власти. Складывающаяся ситуация с коммеморацией политических репрессий как трагических страниц отечественной истории на примере Липецкой области только подтверждает общероссийский тренд.

Коммеморация в Липецкой области: основные тренды и цифры

Практики коммеморации в Липецкой области следует условно разделить на несколько этапов. Ввиду того, что советский опыт во многом наследуется и современными политиками памяти, следует, наверное, представлять процесс работы с памятью непрерывным с момента образования Липецкой области, взяв за отправную точку 1954 г. Выделенные нами 6 сюжетов коммеморации, так или иначе, могут последовательно разворачиваться в каждом из трёх периодов, указанных нами ниже, за исключением рефлексии на те события, оценка которым была дана уже позже.

Первый период (1954-1991) - доминирование советского культурного нарратива. Особое внимание уделяется кейсам революция 1917 г. и Великой Отечественной войны. В данный период происходит наращивание промышленного потенциала Липецкой области и превращение Липецка в крупный индустриальный центр. Советский культурный нарратив выглядит достаточно убедительно с точки зрения, как самих форм, так и их качественного воплощения.

Второй период (1991-2014) – история российской государственности. Постепенный отказ от советской героики актуализировал поиск новых сюжетов коммеморации. Поэтому, данный период начинает характеризоваться поисками новых героев. В частности, именно в этот период появляются мемориальные доски Е. Замятину, В. Розанову, М. Стаховичу и т.д. В данный период можно увидеть развитие инициатив коммеморации, связанных с потомками, пытающимися зафиксировать память о предках, вступая в различные формы диалога с властью. Данный период характеризуется постепенным забыванием советского культурного и символического нарратива.

Третий период (2014 – по настоящее время) – период патриотического подъёма. Власть пытается заполнять героический вакуум, конструируя новых

героев и компенсируя дефицит памяти неким ребрендингом героической памяти. Некоторые сюжеты дорабатываются под текущую политическую конъюнктуру. Важным сюжетом коммеморации сегодня выступает «Победа в Великой Отечественной войне, где вместо «советского» используется «российское» [6, с. 126]. Авторское исследование показывает, что только в г. Ельце с 2014 года было открыто 25 мемориальных досок, что составляет четверть от выявленного нами объёма мемориальных досок во всём муниципалитете. Анализируя ситуацию в Ельце, можно отметить, что в городском пространстве явно доминирует сюжет коммеморации, связанный с Великой Отечественной войной (52 случая). Второй по популярности сюжет – память о выдающихся земляках (26 случаев). Другие сюжеты пока выглядят не достаточно весомо в общем объёме практик коммеморации.

Таблица

Сюжеты мемориальной политики в г. Ельце и их отражение в установленных мемориальных досках

Сюжеты мемориальной политики	Количество мемориальных досок	%
Память о революции 1917 г.	6/100	6
Великая Отечественная война	52/100	52
Афганская и чеченская кампании	10/100	10
Культурное наследие знаменитостей	26/100	26
Инициативы потомков	4/10	4
Репрессии	2/10	2

N=100

актуально на 2018 г.

Таблица 1. Сюжеты мемориальной политики В Липецкой области (на примере г. Ельца)

Таким образом, в случае Липецкой области и её муниципалитетов присутствуют все сюжеты коммеморации, имеющие место в современной России. Другое дело, что данные сюжеты не уравновешены между собой с точки зрения объёмов памяти, к которой они апеллируют. Ключевая роль в процессе коммеморации (и это доказывают приведённые нами примеры)

принадлежит самой власти. Инициативы гражданских акторов выглядят куда более скромными, что сказывается на их фактической актуализации.

Список литературы

1. Ассман А. Новое недовольство материальной культурой. - М.: Новое литературное обозрение, 2016. - 232 с.
2. Бурдые П. Социология политики. - М.: SocioLogos, 1993. - 336 с.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Академия, 1998. – 432 с.
4. Горький М. Сторож [Электронный ресурс]. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/storozh.htm> (дата обращения: 02.10.2018).
5. Маколи М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. - 2011. - 51 (1–2). - Январь — апрель. – С. 134 – 149.
6. Скиперских А.В. История российской провинции в мемориальной культуре: политическое конструирование // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. - № 47. – 2017. – С. 121 – С. 128.
7. Хальвбакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. - 2–3 (40–41). - 2005. - № - С. 8–27.
8. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // History and Memory in African — American Culture / Ed. G. Farbe, R. O`Meally. - N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 7-24.